

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

АРТЕФАКТОР
НА ПОКОЕ

Алла Гореликова

Артефактор на покое

<https://litres.ru/73987819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ученичество у магистра артефакторики. Лана и мечтать о таком не могла, но ей выпал шанс. Вот только стоит ли радоваться? Или прав был ее несостоявшийся жених, когда говорил, что она пожалеет об этом?

Старый дом мастера-артефактора полон тайн, но самая страшная тайна – хозяин дома. И кто поможет Лане разобраться во всем и спастись?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Три белых розы	9
ГЛАВА 2. Планы на жизнь Ланы Иверси	23
ГЛАВА 3. Работа над ошибками	36
ГЛАВА 4. Ученица должна учиться?	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алла Гореликова

Артефактор на покое

ПРОЛОГ

«Улыбайся». Обычно Артуру Рейнольдсу не приходилось напоминать себе об этом простом, но непременном правиле. Отрепетированная перед зеркалом ослепительная улыбка давно вошла в привычку. Тебе плохо? Ты зол? Тонешь в проблемах? Ненавидишь весь мир? Улыбайся. Твои проблемы никого не волнуют, зато образ интересного, обаятельного мужчины, сильного мага и компетентного преподавателя помогает решать хотя бы часть из них.

Но сегодня приходилось контролировать себя нешуточным усилием воли, иначе благодушная улыбка превратилась бы в оскал.

— Вы, любезные мои, не рабовладельцы, а школа — не рынок, на котором можно подыскать для себя подходящего раба. Вам за работу здесь платит государство, в пользу государства извольте и действовать, — призрачный ректор стремительно облетел застывших в своих креслах профессоров, обжигая леденящим взглядом и замораживая могильным ужасом. — Ежели считаете кого-то из студентов пригодным для углубленного изучения своего предмета, так учите!

По официальному, законному контракту, с понятными перспективами, с заботой, в конце концов! Лучшая школа магии набирает талантливых ребят с высоким потенциалом, а выпускает недоучек! Намеренно и демонстративно! Чтобы те, кто жаждет знаний, сами рвались подписывать ваши рабские контракты? Хватит!

Жалобно зазвенели подвески на хрустальной люстре.

Деметрио Корчев, «новый-старый» ректор, основатель школы, а ныне – призрак, не иначе как попущением адской канцелярии задержавшийся на грешной земле, второй год наводил здесь свои порядки. Кого сразу уволил, кого прижал, «поставив на контроль»... К этим вторым относился и Рейнольд, по несчастливому совпадению, преподающий в школе артефакторику тоже с прошлого года. О-о, он прекрасно знал, как делались здесь дела до появления проклятого призрака! Сам, в конце концов, здесь учился, а после – ассистировал магистру Рекмарсу. Где этот древний правдорубец был тогда? Тому же Рекмарсу никто не мешал заключать столько ученических контрактов, сколько он пожелает, и никого не волновало, на каких условиях он брал учеников и что с ними делалось после.

И только ли Рекмарсу? Да эта чертова «лучшая школа» как минимум последнее столетие для того и предназначалась, чтобы родовитые маги могли найти талантливых безродных в супруги или ученики. И неизвестно, чья участь в итоге была хуже. Рейнольд считал, что ему еще повезло: за

годы своего ученичества он действительно сумел чему-то научиться, и расплата с мастером не затянется до собственной старости или скоропостижной смерти.

— За каждого будете отчитываться лично мне! — завершил свою речь Корчев. Часть ее Рейнольд прослушал, поддавшись негодующим мыслям, но смысл был ясен. Учеников берите, а что-то с них поиметь лично для себя — даже и не мечтайте. То есть, скажем, он, Артур Рейнольд, выцарапывал свое нынешнее положение годами практически рабского контракта, а теперь, вместо того чтобы наконец-то вернуть затраты и получить долгожданные преференции, должен тратить свое время и силы, учить юнцов практически даром, да еще и делиться с ними бесценными секретами мастерства?

А не провалиться ли вам обратно в ад, достопочтенный господин Корчев? И гоняйте там чертей в пользу государства, сколько вам будет угодно! А в этом грешном, но прекрасном мире каждый действует только в свою пользу. Это вам, в силу призрачности, не нужно ни есть, ни пить, ни спать, вас не волнуют ни женщины, ни прочие удовольствия, ни здоровье, ни продолжение рода, ну так вы один такой, а мы пока еще живы и хотим жить хорошо!

— Вижу, вы не горите энтузиазмом? — едко спросил Корчев. — Что ж, подслащу это горькое зелье. В наших учениках заинтересованы на самом — он воздел палец вверх, — высоком уровне. Уточню: в наших талантливых, но безрод-

ных учениках, которые после обучения не запрутся в стенах родовых особняков, а захотят и смогут работать на империю.

Рейнольд едва удержался от презрительного фырканья. Наверное, во времена жизни Деметрио Корчева высочайший интерес и впрямь ценился, но сейчас куда выгоднее тихо делать свои дела, не привлекая никакого, даже благосклонного внимания. Впрочем, открывать призраку глаза на истинное положение вещей совершенно незачем. Гораздо безопаснее изобразить искренний интерес.

— У меня есть несколько талантливых ребят на примете, — сказал он. — Поговорю с ними. Возможно, у кого-то уже есть определенные планы, а если нет...

— Да-да, — подхватила гадалка, Халборд. — Я тоже...

Остальные загалдели, будто боялись остаться последним не поддержавшим инициативу. Но Корчев слушал этот гвалт недолго.

— Вижу, все всё поняли? Можете идти и воплощать.

«Можете» ректора Корчева прозвучало весьма категорично, что-то вроде «приступить немедленно, и горе тем, кто не оправдает моих надежд». Эти приказные интонации будили в Артуре Рейнольде крайне отвратительные воспоминания, а вместе с ними — острое желание увильнуть, незаметно и тихо сделать по-своему. Вот только делать по-своему нужно крайне осторожно, взвесив каждый шаг. И без разницы, кто ты, бесправный ученик или подающий надежды преподаватель в престижной школе.

После уроков он долго листал журналы, перебирая фамилии, как перебирают драгоценные камни в поиске подходящих для сложного артефакта. Вовсе игнорировать распоряжение ректора нельзя, значит, хотя бы двух учеников нужно предъявить... как он там сказал, «по законному контракту в интересах империи»? Достаточно перспективных, чтобы продемонстрировать рвение и полезность, но и не самых лучших. Лучших он возьмет себе. Кто бы что ни говорил о законности, а традиции старых семей всё еще имеют силу.

Но первым делом — подобрать подходящий вариант для Рекмарса. Закрывать, наконец-то, долг и стать свободным.

ГЛАВА 1. Три белых розы

— Эйги, ты куда-то собрался?

Эгер Виршов, потомственный маг в двенадцатом поколении, прошлогодний выпускник школы, а ныне стажер семейного консультационного агентства, вздрогнул и оглянулся с видом ребенка, которого за пять минут до обеда застали возле вазочки с конфетами. Впрочем, тут же взял себя в руки, снова повернулся к зеркалу, поправил галстук и ответил совершенно спокойно:

— Да, пап, хочу проветрить мозги. Сегодняшний прием меня измотал.

День и в самом деле выдался непростым. С утра Эгер работал «на выезде» — три с лишним часа проверял взаимодействие защитных полей с природным фоном в загородной усадьбе Сташевых. Те жаловались на чрезмерную утечку, из-за которой приходилось менять накопители в защитных схемах чуть ли не вдвое чаще расчетного. Утечка и в самом деле нашлась, вот только ни к каким природным аномалиям она отношения не имела. Всего лишь вороватый управляющий. Сташев остался доволен работой, а вот сам Эгер — нет. На будущее имело смысл запомнить, что махинации служащих встречаются гораздо чаще природных аномалий и начинать поиски утечек нужно с проверки на неучтенные элементы в ритуальных схемах, а не с осмотра родников, дубов и овра-

ГОВ.

Едва успев вернуться домой и пообедать, он долго успокаивал рыдавшую напоказ дамочку, чей сын выбрал жену, не посоветовавшись с родителями. Откровенно говоря, Эгер целиком и полностью поддерживал парня: у того хватило ума убедиться, что магия его самого и его избранницы не конфликтует, а все остальное – да кому оно нужно, кроме замшелых ревнителей традиций? Но высказать такую позицию прямо значило оскорбить клиентку и навредить семейному бизнесу, а потому пришлось подыскивать убедительные аргументы и тайком подливать в чай умиротворяющее зелье. А потом, когда истеричная мамаша утерла слезы, рисовать наглядную схему сочетаемости магии родителей с прогнозами на силу и таланты детей. Не сказать, что дамочка ушла полностью убежденная, но, по крайней мере, больше она не пылала желанием расстроить этот брак любой ценой и любыми, вплоть до криминальных, методами.

Как Эгер хотел хотя бы пять минут посидеть в тишине! Но нет, следующий клиент едва не снес двери, так ему не терпелось проверить доставшийся по наследству артефакт. И ладно бы что-то действительно интересное! Банальный «гламур», никаких сюрпризов, кроме, разве что, достаточно емкого заряда. Но, пока проверял, пришлось выслушать целую историю почившего двоюродного дядюшки, его взаимоотношений с семьей в целом и с конкретным племянником в частности, длинный перечень родственников, которые хоте-

ли бы наложить загребушие лапы на единственный магический предмет из наследства... Эгер едва удержался от вопроса, кто мешает взять да купить нужный амулет у первого попавшегося артефактора, раз уж так сильно хочется. Но семейное правило гласило: «давать только те советы, за которые заплатили». А этот... наследничек... и вовсе советов не спрашивал.

После таких дней Эгер задумывался, действительно ли он хочет продолжать семейное дело. Успокаивать истеричек, выслушивать скряг и разоблачать воришек? Так, пожалуй, за пару лет категорически разочаруешься в человечестве.

Звякнули оповещающие чары.

— Клиент, — с намеком сообщил отец. Мол, «проветривание мозгов» отменяется, ступай обратно в кабинет и работай, стажер.

— Оте-ец... — простонал Эгер.

— Что – «отец»? Тебе отращивать мозги надо, а не проветривать. Еще как минимум два-три года.

— Но я... — не признаваться же вот так прямо, что собрался на свидание?

А с другой стороны, почему нет? Будь это обычный вечер с девушкой, с кем угодно, кроме Ланы, Эгер послушал бы отца. Позвонил бы, извинился, перенес встречу или вовсе отменил. Но Лана... С ней все было сложно, чем дальше, тем сложнее, и как раз сегодня он собрался прояснить ситуацию. Продумал, что и как скажет. Только наплыва клиентов не

предусмотрел.

Отец молча ждал, и Эгер сказал, слегка пожав плечами:

— Ладно, у меня свидание. Серьезное.

— Серьезное? Я верно понял, ты предложение собрался делать?

Эгер помедлил. Нельзя же так в лоб, в самом деле! Но, когда отец смотрит вот так...

— Да, представь себе, да! Доволен?

Уж наверное, он будет доволен: намекал уже, что пора присматривать невесту. И даже предлагал конкретных девушек с подходящими для семьи связями или талантами. Но до сих пор Эгер отказывался обсуждать эту тему: мол, сначала поработаю, обучусь семейному делу как следует, а потом уже можно и о девушках думать.

Отец в удивлении приподнял брови:

— И почему я ничего об этом не знаю?

— Вот согласится, тогда и узнаешь.

— Даже так... — отец окинул Эгера внимательным, оценивающим взглядом, усмехнулся едва заметно. — Хорошо. Ступай. Буду с большим нетерпением ждать... кхм... знакомства с твоей избранницей.

Слова о знакомстве прозвучали почти как приказ. Еще бы!

Эгер снова поправил галстук, длинно выдохнул, успокаиваясь.

— Зайди к матери в оранжерею, — подсказал отец.

И правда! Как он мог забыть о цветах!

— Спасибо!

Оранжерея... Это мамино увлечение никак не касалось дел семьи, не приносило ни дохода, ни известности, ни каких-то бонусов. Разве что придавало милую особенность: все знали, что обильно украшающие дом Виршовых цветы мать семейства вырастила сама. У женщины из хорошей семьи должно быть какое-то слегка странное увлечение, верно? Милая изюминка, далеко не всегда невинная. Кто-то вышивает заклатья, кто-то возится в земле, кто-то составляет яды.

Ядами баловалась бабушка по маминой линии. У нее можно было купить средство, чтобы раз и навсегда избавить дом от мышей, тараканов, муравьев, моли... или опостылевшего мужа, хотя последнее, разумеется, не афишировалось. Как не был достоянием общестственности и тот факт, что рассеянная милая старушка работала на Императорскую службу безопасности.

На этом фоне мамины розы и лилии смотрелись нежно и невинно. Хотя Эгер знал, что в ее хозяйстве хватает и опасных растений, тех, которые мама выращивает для бабушки. Не зря же детям запрещалось даже порог оранжереи переступать без присмотра взрослых. И даже сейчас, хотя Эгер уже и школу закончил, и начал работать, на его появление в своем зеленом царстве мама смотрела неодобрительно. А ну как надышится чем-нибудь вредным или сорвет что-нибудь

ядовитое?

— Мама! — окликнул от входа. — Я к тебе, можно?

— Конечно, сынок,ходи! — мама, правда, непустила его появление на самотек, вышла навстречу. — Что ты хотел?

В рабочем переднике с глубокими карманами и держателем для садовых ножниц, с тщательно убранными под косынку волосами, Лавиния Виршов все равно выглядела красавицей. Эгер представил Лану с ней рядом. А ведь они даже похожи! Обе яркие брюнетки, высокие, стройные, с холодно-высокомерным выражением лица на публике. Неужели правду говорят, что юноши неосознанно ищут в пару девушку, похожую на мать, а девушкам нравятся парни, похожие на отца? Интересно, он похож на отца Ланы?

— Эйги?

Он тряхнул головой, отгоняя внезапные мысли.

— Мама, я иду на свидание. Поможешь с букетом?

— Свидание?! Наконец-то, Эйги! Кто она? Расскажешь?

— Не сейчас, мама! Я уже почти опаздываю!

— Хорошо, значит, вечером? Только скажи, насколько у вас серьезно? Это не пустое любопытство, нужно понять, каким должен быть букет.

— Красивым? — Эгер нетерпеливо посмотрел на часы.

— Вот и видно, что ты не удосужился поинтересоваться языком цветов. А ведь девушка наверняка понимает, в чем разница между единственной алой розой, тремя белыми или желтой в окружении лилий. А если не знает сама, подруги

обязательно ей расскажут.

— Разница между одной розой и тремя? В количестве. Думаю, если подарю одну, будет выглядеть, как будто я по-жадничал.

Лавиния негромко рассмеялась.

— Алые розы – страсть. Три алых розы, оформленные аспарагусом – предложение стать постоянной любовницей, папоротником — войти в семью на правах любовницы, с признанием детей законными, а единственная алая роза – предложение провести вместе одну ночь. Без вариантов одну, если даришь только розу, или хотя бы одну, если к розе добавлена веточка аспарагуса. Желтые – расставание... Впрочем, тебе некогда. Я подберу книгу попроще, считаешь на досуге.

— Я собираюсь сделать предложение, — признался Эгер. Добавил торопливо: — Не в любовницы! Я хочу, чтобы Лана стала моей невестой.

— Значит, Лана? Интересно. Что ж, невеста – это три белые розы. Скромно и нежно. Пойдем, выберем оттенок.

— Мама!

— Мужчины! — с легкой укоризной воскликнула Лавиния. — Вы совсем не понимаете, как это важно! Хорошо, скажи мне, она какая? Нежная или неприступная? Блондинка или брюнетка?

— Она похожа на тебя.

— О-о... Приятно слышать! Подожди немного, у меня

есть то, что тебе нужно. Сейчас принесу.

И она умчалась вглубь оранжереи, а Эгер остался стоять, осознавая, как много успел выболтать в коротком разговоре. Не собирался ведь вообще ничего рассказывать, пока Лана не ответит «да»!

Он снова посмотрел на часы. Времени оставалось достаточно, к тому же у Ланы не было привычки приходить на свидания минута в минуту, и все же... Все же спокойней было бы подождать лишних четверть часа у «их» лавочки в сквере на Речном проспекте, чем нестись туда сломя голову.

— Вот, держи. Это холодный оттенок, подходит для строгих брюнеток. Сорт называется «Зимняя принцесса».

— Белые и белые, — буркнул Эгер, осторожно принимая букет: три едва распустившиеся снежно-белые розы на длинных стеблях, завернутые в полупрозрачную рисовую бумагу, перевязанную узкой атласной лентой, тоже белой, с едва заметной голубоватой искрой. — Спасибо, мама. Я побежал!

— Вези осторожно! — крикнула вслед Лавиния, но Эгер едва услышал: он уже мчался к гаражу. Хотя еще один взгляд на часы немного успокоил: времени оставалось предостаточно. Букет прекрасно лег на заднее сиденье, и Эгер, наконец-то выдохнув, сел за руль и вывел свою «малютку» из гаража.

Малолитражная «Рисва-мини», купленная для него к окончанию школы, а вернее, к началу работы на семью, не была той машиной, которой имеет смысл хвалиться пе-

ред девушками. Экономная, удобная для работы на выезде, скромная «рабочая лошадка». С другой стороны, далеко не каждый вчерашний школьник может похвастать даже таким автомобилем. Лана не знала, что Эгер приезжает на свидания на личном авто, а не на такси или автобусе, и открывать ей глаза Эгер пока не собирался. Как и рассказывать подробно о том, чем занимается его семья. Не хотел, чтобы в ее ответе играло роль его благосостояние, а не он сам. Все-таки Лана вызывала у него некоторые сомнения. Ее расчетливость и внимание к состоявшимся мужчинам не заметил бы разве что слепой и глухой. А Эгер хотел, чтобы жена любила его, а не счет в банке.

Любой сказал бы, что в таком случае умнее присмотреться к другим девушкам. Эгер и сам сказал бы именно так, если бы речь шла не о нем... и не о Лане. Но он втрескался в эту высокомерную стерву, ледяную королеву, расчетливую эгоистку, втрескался по уши и ничего не мог с этим поделать. И вот уже два года добивался ответной любви, тщательно скрывая все, что могло подтолкнуть Лану выйти за него по расчету.

Ну не дурак ли?

Он оставил машину на платной стоянке автосервиса, за три квартала от сквера.

— Решительное наступление? — хохотнул Крей, его постоянный механик.

— Что-то вроде того, — слегка нервничая, ответил Эгер.

Букет мешал, идти с цветами наперевес было неловко и неудобно, а опустить его и нести, как нес бы любой груз... это же цветы! Да еще и не просто так букет, а по всем правилам сделанный и упакованный для предложения. И казалось, что каждый встречный-поперечный прохожий, а особенно каждая женщина, догадываются и понимают, что у Эгера на уме. Это все белые розы, они как будто нарочно притягивают все взгляды.

Но самое удивительное, что Лана уже сидела на «их» скамейке, нетерпеливо поглядывая на часы. Эгер ускорил шаг. До оговоренного времени встречи оставалось не меньше десяти минут, а значит, что-то случилось: просто так Лана никогда не пришла бы настолько раньше. Она и вовремя почти никогда не приходила!

— Эгер, наконец-то! — она вскочила навстречу, и Эгер, как всегда, в первые мгновения просто утонул в карих глазах удивительного медового оттенка. — Послушай, у меня такое... такие новости! Потрясающие!

На цветы она даже не глянула, и это была вторая очень большая странность: к знакам внимания Лана всегда относилась ревниво-трепетно. Похоже, его предложение не вовремя, и дай-то боги, чтобы просто не вовремя! В любом случае, пока он не выслушает, что у нее за «потрясающие» новости, и всесторонне их не обсудит, начинать говорить о своем не имеет смысла.

— Прогуляемся? — спросил Эгер, подхватывая девушку

под руку. Когда она взбудоражена, ей нужно двигаться, как будто, если не сбросит лишнюю энергию, просто взорвется.

Они отошли всего каких-то шагов десять вглубь сквера, и Лана нетерпеливо спросила:

— Тебе интересно или нет?

— Конечно, рассказывай.

Окинув его подозрительным взглядом, словно сомневалась, что ему действительно интересно, девушка помедлила и выпалила:

— Меня Рейнольд в ученицы берет!

— Что? — Эгер даже остановился.

Лана повернулась к нему.

— Профессор Рейнольд. Меня. Берет в личные ученицы, — отчеканила, выделяя каждое слово. — Я вижу, ты не рад.

— Не рад, — ответил мрачно. — И не понимаю, чему ты радуешься. Рейнольд берет учеников по традиционному контракту. То есть, ученик беспрекословно слушается мастера, все, что сделает ученик, принадлежит мастеру, да еще после окончания ученичества должен выплатить оговоренную плату. И, между нами, я сомневаюсь, что Рейнольд откроет своим ученикам какие-то действительно ценные хитрости. Ему это невыгодно. Очень хочешь неизвестно сколько лет пахать задарма? Или у тебя какие-то особые условия?

Уже спросив, Эгер напрягся: а ведь и правда, что мешает для умницы и красавицы, да еще и магически сильной, составить контракт с особыми условиями? Может, Лана пото-

му и радуется, может, ей предложили что-то получше традиционного ученичества?

— О чем ты? — нахмурилась Лана. — Стандартный контракт. Ну, он так сказал...

— Ты прочитала?

Лана мотнула головой, отбросив упавшую на лицо от порыва ветра прядь. Сегодня она была с распущенными волосами, и это тоже выбивало из равновесия, мешало рассуждать трезво: Эгер залипал на ее волосы, ничего не хотелось так сильно, как прикоснуться к ним, перебирать, пропускать между пальцев, ощущая мягкую, ласковую шелковистость.

— Профессор пока только на словах мне рассказал. У него было мало времени, а я хотела предупредить тебя, что больше не смогу... ну... что мои вечера теперь будут заняты. — Она быстро посмотрела на часы. — Осталось всего двадцать минут! Он меня ждет после уроков.

— Постой, ты что, подписала, не читая?!

Такого... идиотизма! Да, идиотизма. Он от Ланы никак не ожидал. Уж чего-чего, а расчетливости и рассудительности в ней хватило бы на троих. И вот так, не глядя, вляпаться в магический контракт?!

— Да нет же, я сейчас бегу подписывать! — нетерпеливо воскликнула девушка, и Эгер тайком перевел дух. Еще не все потеряно, еще есть возможность переиграть, отказаться... — Эгер, я тебя не понимаю, почему ты так уперся в то, подписала я или нет? Если ты мой друг, ты за меня радо-

ваться должен, а не смотреть вот так...

— Как?!

— Как будто я что-то страшное сотворила!

Боги, она в самом деле не понимает!

— Еще не сотворила, но собираешься. Ты что, прослушала все, что я тебе говорил об этих контрактах? Или не поняла? Лана, это практически рабство! Ты не должна ничего подписывать! Не соглашайся! Какое ученичество, ты с ума сошла, ты пожалеешь об этом очень скоро, но если подпишешь, уже не сможешь отказаться!

— Рейнольд не такой! Он наш профессор, и он очень хорошо учит! А ты, ты... зачем ты меня запугиваешь? Ревнуешь? Или не хочешь, чтобы я чему-то научилась, кроме школьных огрызков? — Лана понизила голос и почти зашипела, а это значило, что она очень, очень сильно разозлилась. — Конечно, ты бесишься, даже когда меня на танец приглашает кто-нибудь, кроме великолепного и бесподобного тебя, а тут аж целое ученичество. И получается, что я не такая уж никчемная и что у меня есть в жизни варианты, кроме тебя, да?

— Лана, ты понимаешь, что говоришь?

— Я понимаю, чем ты недоволен. Это ведь мне? — Лана провела кончиками пальцев по кромке нежных белых лепестков. — Я должна быть польщена, без ума от счастья, упасть в твои объятия и ни о чем больше не думать, тем более о какой-то там учебе. Красивая девушка не должна быть

слишком умной, для того чтобы рожать детей, и школьных знаний много, да, Эгер? Так вот – нет! У меня другие планы на жизнь!

— Лана, ты чушь несешь.

— Ах, чушь?! — Она вырвала из его рук букет и, не глядя, отшвырнула в сторону. — Прощай!

Развернулась на каблуках, нервно тряхнув головой, и почти побежала в сторону Речного проспекта. В сторону школы и своего глупого ученичества.

— Лана! Подожди!

И, конечно же, она не то что не обернулась на его оклик, но даже шаг не замедлила.

Эгер посмотрел на букет, лежавший в пыли в грустной компании окурков и конфетных фантиков. Пожал плечами. Он, пожалуй, даже не был слишком удивлен. Как будто всегда в глубине души знал, что рано или поздно его ледяная королева выбросит его из своей жизни так же, как выбросила вот этот букет – ни на секунду не задумавшись. Может, потому и не хотел рассказывать о ней родителям?

Вот только это совсем не значит, что ему сейчас не больно. Больно. Горько. И пусто, ужасающе пусто.

ГЛАВА 2. Планы на жизнь Ланы Иверси

Давно уже Лане не было так горько, обидно и больно. Хотя с Эгером с самого начала приходилось непросто. Пожалуй, только первый вечер их знакомства и прошел по-настоящему безоблачно. Тогда они просто танцевали, шутили, немного перемыли косточки преподам, немного поболтали о том, кому какие фильмы нравятся, и договорились пойти вместе на школьный бал. Но уже с бала все пошло наперекосяк.

Эгер оказался ревнивцем самой противной разновидности: он не устраивал сцен, не пытался отбить девушку, которую хотел видеть только своей, у всех других, нет, он только презрительно кривил губы, всем своим видом будто говоря: «Раз ты не выбираешь ТОЛЬКО меня, то ты меня недостойна». Как будто девушка не имеет права ни потанцевать, ни поболтать с кем-то другим. По-хорошему, стоило бы сразу, раз и навсегда отнести его к категории тех, с кем лучше не общаться. Но. Но! Чертово проклятое «но»!

Он ей понравился.

Нет, даже не так. Она втрескалась в этого высокомерно-урода, пусть не с первого взгляда, но с первого вечера. Втрескалась по уши! Как дура!

И даже не потому, ну ладно, не только потому, что он кра-

сивый, интересный, отлично танцует, любит те же фильмы, что она, и умеет парой слов дать просто убойную характеристику как раз тем преподам, которые этого заслуживают. Ее магия пела с ним рядом. Ее тянуло к нему так, что впору было поверить в бред об истинных парах: не на физическом уровне, а на каком-то гораздо более глубоком. Казалось, еще немного, и она не сможет дышать без этого парня.

Это пугало. Нет, ладно бы он был нормальным, без этих своих закидонов! Тогда Лана поговорила бы с ним начистоту, объяснила свою ситуацию и предложила... Она горько рассмеялась на бегу. Да уж, в самом деле смешно: предложила бы то самое, что сейчас собирался предложить он.

Но Эгер был слишком закрыт и высокомерен. Да черт возьми, он держался, будто наследный принц инкогнито, хотя Виршовы — Лана узнавала! — были ничем не примечательной семьей. Древней, но сама по себе древность ничего не значит — кому об этом и знать, как не Лане Иверси! Впрочем, по сравнению с Иверси Виршовы были более чем благополучны. Вряд ли мелкая консультационная контора приносила им много денег, но не в деньгах дело. Их семья была живой. Эгер — старший из трех братьев, а еще он как-то обмолвился о кузене и трех кузинах. Два старших поколения. Наверняка есть и крепкие давние связи. А от Иверси остались только больная одинокая женщина, которая никогда уже не сможет ни выйти замуж, ни родить, и две девушки. Лана и Белинда. Причем у Белинды в ее пятнадцать магия слабая и

неустойчивая. А это приговор: семья умирает, и только Лана может ее возродить. Если найдет правильного мужа. Не обязательно богатого, не обязательно даже из древней семьи, да хоть бы и вовсе без семьи, без связей, главное – с сильной и подходящей магией.

Как у Эгера.

Как у чертового засранца Эгера, отношения с которым напоминали езду на полной скорости по ухабам и колдобинам — и больно, и не соскочишь, и поговорить не получается: а ну как тряханет, только язык прикусишь.

И еще одно, тоже главное: он должен не Лану забрать в свой род, а согласиться войти в семью Иверси.

Еще и поэтому, наверное, было так больно от этих его белых роз. Самое красивое, самое романтическое, самое желанное для любой девушки предложение. «Будь моей невестой». Но, если расшифровать точно и по всем правилам, то «Войди в мою семью моей невестой».

Чертов Эгер!

А может, он сам не знает точного значения? Может, стоило с ним все-таки поговорить, объяснить?

Из раскрытого окна неподалеку донеслась мелодия заставки новостей. Нет, некогда было говорить, она и без того почти опаздывает! Тем более что и так уже... поговорили.

Что ж, стоило признать: те два года, когда она позволяла себе мечтать об Эгере, оказались сплошной беспросветной глупостью. И мечты были глупостью, и фантазии о том, что

он может не просто стать ее мужем, а взять ее фамилию и род. Она по-прежнему наедине со всеми своими проблемами, и будущее семьи, да что будущее – выживание, зависит только от нее.

Ну и черт с ним и с его розами! Она еще найдет себе подходящего мужа. Она молодая, красивая, магически сильная, а главное – не собирается немедленно обзаводиться наследником. Да, наследник нужен, и не один, но первым делом нужно дать хорошее образование Белинде. И самой выучиться на мастера! Потому что мастер-артефактор, а лучше даже магистр Лана Иверси – это совсем не то же самое, что выпускница первой имперской школы Лана Иверси. «Первая имперская» — это, конечно, звучит гораздо лучше, чем какая-нибудь двадцать восьмая или триста двенадцатая, но школа есть школа. Глава рода со школьным образованием? Позорище!

А ей не привыкать рассчитывать только на себя. На самом деле ничего и не изменилось. Могло бы... но жалеть о несбывшемся – пустая трата сил.

Хорошо, что уроки уже закончились и школьные коридоры были пусты. Иначе точно опоздала бы! Перед кабинетом магистра артефакторики Лана притормозила. Поправила растрепавшиеся на ветру волосы, проверила, идеально ли сидит школьная форма. И, нервно выдохнув, постучала.

— Входите! — откликнулся Рейнольд.

— Это я, господин магистр, — Лане казалось, даже каб-

лучки ее тужель сегодня цокают о паркет как-то особенно нервно. С десяток шагов от двери к преподавательскому столу – всего ничего, но это шаги к ее будущему. К выживанию и силе для ее семьи. Он ведь не передумал, нет?

— А, Лана Иверси. Я ждал вас. Не передумали?

— Нет! — Лана даже головой мотнула. — Я хочу стать мастером!

— Отчего бы моей самой талантливой студентке и не стать мастером? — Рейнольд тепло улыбнулся. — Если будете упорно трудиться, станете и мастером, и магистром. Все данные для этого у вас есть. И талант, и ум, и сила. И желания учиться хватает, я успел оценить. Вот только школьных знаний для вас мало, с таким мизерным багажом вы ничего в жизни не добьетесь. Ну да мы это исправим, верно?

— Конечно! — от похвалы загорелись щеки, хотя Лана редко краснела. Но и Рейнольд нечасто хвалил студентов, а настолько высокой оценки от него, наверное, за все время никто не слышал.

— Вот контракт. — На стол перед Ланой лег старинного вида свиток, а голос магистра стал резким и деловитым, совсем как на занятиях, и Лана тут же настроилась на рабочий лад. — Основное вы уже знаете, если, конечно, внимательно меня слушали. Но все же прочтите. Сейчас у вас единственная возможность задать мне любые вопросы по этому контракту. Как только вы его подпишете, время вопросов закончится и начнется время суровой работы.

Он вдруг мимолетно улыбнулся, совсем не похоже на его обычную сияющую улыбку, и добавил:

— Точно так же сказал мне когда-то магистр Рекмарс. Время идет, но традиции ученичества все те же, Лана. Сейчас некоторым стало казаться, что они устарели, что пришло время массовой учебы, но все же много веков именно через личное ученичество появлялись по-настоящему сильные и умелые маги.

Лана хотела стать именно сильной и умелой, а не каким-то там «продуктом массового образования». Это определение она слышала не раз, но чаще всего в нем слышались откровенно презрительные нотки. О ней не будут говорить с таким гадким выражением! Никогда.

Она даже хотела подписать сразу, ведь она не собирается отступать, так зачем тратить время на пустые формальности? Но тут вдруг ярко, словно воочию вспомнилось, какое лицо и какой голос были у Эгера. «Ты что, подписала, не читая?!»

Нет уж, она прочитает до последней строчки! Хотя бы назло этому... с дурацкими розами!

«Я, Лана Иверси, подписывая сей договор, обязуюсь и клянусь своей магией...»

Она отвлеклась, по-новому взглянув на свиток. Не то чтобы забыла, скорее не обратила внимания, что контракт магический. А свиток наверняка артефактный, закрепляющий обязательства ученика его собственной магической силой.

Раньше Лана о таких только слышала. Но, когда выучится, сама сможет зачаровывать и такое, и даже что посложнее!

В свои будущие обязанности она не особенно вчитывалась: ну кто их не знает? Слушать мастера, выполнять порученное, не оспаривать решений и приказаний – логично же. И «в любое время обучения мастер имеет право на любой срок передать ученика другому мастеру с соблюдением всех условий данного контракта как со стороны ученика, так и со стороны одного мастера». Мало ли, может, он поедет куда. В отпуск. Или заболит. Или чему-то гораздо лучше научит кто-то другой. И то, что мастер имеет право на все, сделанное учеником за время ученичества, тоже понятно. Царапнуло, что плата за обучение – не только вот это вот сделанное, но и огромная по ее меркам сумма, которую придется выплачивать уже после. Но, с другой стороны, никто не обязан учить бесплатно, ведь это серьезный и сложный труд. А жесткого срока выплаты не указано, написано только: «Обязательства по отношению к Мастеру не считаются закрытыми полностью, пока не выплачен долг за обучение». Значит, чем скорее, тем лучше, но и за долгую выплату никаких особых санкций не последует. А что так много... ну так она ведь мастером станет, еще и не столько заработает! Справится.

Так, срок обучения...

— Год, с пролонгацией по мере необходимости, пока мастер не сочтет ученика готовым? Это как?

Рейнольд терпеливо объяснил:

— У всех разная скорость обучения. Кто-то уже через три года готов работать самостоятельно, а кому-то и десяти мало окажется. Разве можно предугадать заранее? Поэтому контракт автоматически продлевается каждый год, пока мастер не решит иначе.

— А если я хочу хотя бы примерно представлять, когда... смогу начать зарабатывать?

— Я думаю, что десять лет точно не ваш случай. А сказать точно... — он пожал плечами, — не раньше, чем через год-два. Посмотрим. Хотя в вас, Лана, я верю. Вы талантливая девушка.

Лана в себя тоже верила. Уж она постарается управиться побыстрее!

Она быстро пробежала глазами по последнему, очень короткому разделу: «Обязанности мастера». Мастер обязуется передать ученику, при его должном прилежании, достаточно знаний и навыков для достижения уровня мастерства, мастер не должен требовать от ученика действий, превышающих рамки учебы, мастер обязан закрыть контракт, когда сочтет его выполненным или же в случае обстоятельств, делающих невозможным дальнейшее качественное обучение. Все понятно, логично и в целом приемлемо, и почему Эгер так возмущался? Ревновал? Или правда думал, что ей подсунут какой-нибудь древний ужас? С работой по дому и сексуальными услугами вместо обучения?!

— Все понятно? — спросил Рейнольд.

— Да, — кивнула Лана.

Взяла протянутое Рейнольдом старинное, тоже явно артефактное перо, подала в него немного своей магии, как и положено с магическими контрактами, вписала в строке «ученик» свое имя и расписалась.

Где-то в глубине души, не разумом, а, наверное, чувствами, она ожидала... чего-то. Какого-то знака? События, ощущения, понятной и осязаемой черты, которую она переступила, и вот началась новая, другая жизнь. Но ничего не произошло. Совсем ничего. Ее мастер – уже мастер, а не просто школьный преподаватель! — так же сидел за столом и так же выглядел слегка утомленным после рабочего дня. За окном так же горели фонари, не слишком заметные в едва начавшихся сумерках. И магия ощущалась точно так же, как и всегда. Никакой разницы.

— Поздравляю, — сказал Рейнольд. И добавил, улыбнувшись: — Моя новая перспективная ученица.

— Спасибо, — и волнение тоже никуда не делось, хотя, казалось бы, теперь уж чего волноваться?

— «Спасибо, мастер», — поправил Рейнольд. — Это, конечно, не имеет значения, но помогает дисциплинироваться, а дисциплина — важна. Привыкайте сразу.

— Спасибо, мастер, — повторила Лана. Звучало... странно. Ничего, она привыкнет. — А мы уже сегодня начнем заниматься?

Рейнольд покачал головой.

— Для ученика, конечно, нет слов «устал» и «уже поздно», но я сегодня и в самом деле устал, а вам, думаю, не терпится рассказать новость родным. Но, — он открыл ящик стола, достал оттуда тонкую неказистую книжку и протянул Лане, — можете начать и сегодня. Изучайте, запоминайте. Кое-что из здесь изложенного вы уже знаете, но должны знать и понимать всё. Абсолютно, от первой и до последней буквы. Пока не усвоите накрепко основы, идти дальше бессмысленно и опасно.

«Основы работы артефактора», — прочла Лана название. Прижала книжицу к груди:

— Спасибо, мастер!

— Завтра придете за час до занятий. Поможете мне в классе.

— Хорошо.

— «Хорошо, мастер». Не краснейте так, привыкнете. Всё, идите. До завтра, Лана.

И махнул рукой, словно выпроваживая.

Лана кивнула и тихо вышла.

Вроде бы и совсем недолго пробыла у Рейнольда («У мастера», — поправила себя мысленно), а на улице успело совсем стемнеть, в парке зажглись фонари, а в животе голодно подсасывало: на свидание с Эгером побежала сразу после занятий, даже кофе с булочкой на бегу перехватить, и то не успела. Рассказать новость маме с сестрой, конечно, хо-

телось, но...

Не просто же так Лане выделили место в общежитии, хотя она и не считалась иногородней. Столица большая. От Речного проспекта, где расположились корпуса школы, до Бу-мажного предместья, где стоял родовой дом Иверси, добираться больше двух часов. Два автобуса с пересадкой, через всю Эребу из конца в конец – не наездишься! Лана даже не каждый выходной домой выбиралась, учиться ведь тоже когда-то нужно, особенно в выпускной год.

По телефону такие новости рассказывать не хотелось, но, наверное, придется. Если она прямо сейчас помчится на автобус и не придется слишком долго его ждать, и то дома будет уже, считай, ночью. А завтра надо быть у мастера за час до занятий! А ждать до выходных... Вдруг теперь выходные будут заняты дополнительной учебой? Даже наверняка. К тому же экзаменов тоже никто не отменял, осталось меньше месяца, а подготовиться надо так... Лана и раньше собиралась наизнанку вывернуться, но стать лучшей в выпуске, а уж теперь тем более нужно!

Что ж, можно сбежать поужинать в студенческое кафе, а потом позвонить из автомата возле почты. Конечно, бесплатный телефон есть в общежитии, но комендантша смотрит натуральным зверем на любого, кто посмеет воспользоваться им для такой ерунды, как позвонить родным. Вот не зря тетку Грымзой прозвали, откуда только берут таких зловердных. Хотя можно нарваться и на своих же девчонок, которым

приспичило заказать еду в доставке, тоже не дадут поговорить спокойно. Так что автомат – оптимальное решение.

А вот придумать бы артефакт, чтобы с собой носить и говорить по нему, как по телефону... Интересно, кому-нибудь приходила уже в голову эта идея? Казалось бы, напрашивается, но Рейнольд... то есть мастер... то есть тогда ведь он еще не был ее мастером? В общем, еще в начале курса, во вводной лекции, говорил, что самые очевидные, казалось бы, идеи находят воплощение очень редко. Как раз потому что настолько просты и очевидны, настолько напрашиваются, что о них никто и не думает!

Но вот спрашивать об этом мастера она не станет. Именно потому что напрашивается! А вдруг идея и в самом деле окажется новой? Такую удобную вещь все захотят иметь, и тот мастер, что изобретет ее, сразу сделает себе и состояние, и имя. Зачем дарить кому-то за просто так такие перспективы? Самой пригодится. Ей еще семью поднимать.

Надо завести записную книжку для таких идей, пригодится на будущее. Только хранить дома, чтобы никто посторонний даже не подозревал...

Сегодня ей везло: почти все столики в кафе оказались свободны, и любимая куриная грудка в сырном соусе еще была, хотя обычно все самое вкусное разбирали задолго до вечера. Наверное, все дело в скорых экзаменах — вместо того чтобы проводить время в кафе, все вдруг вспомнили о такой удобной штуке как доставка. Можно было сесть в самом ти-

хом углу и еще немножко подумать о будущем телефоне-артефакте. Да, пока что она даже приблизительно, совсем-совсем не представляла, как можно его сделать, зато могла точно придумать, что хочет получить в итоге. А разве не с этого нужно начинать? Поставить максимально детальную задачу.

Скорее бы научиться хоть чему-нибудь, хоть немного! Все-таки обидно, что в школе дают только самые основы. И как же ей повезло попасть в личные ученицы!

А Эгер...

Лана тряхнула головой: нет, не будет она портить себе прекрасный вечер грустными мыслями. Сейчас позвонит маме, купит новую тетрадь для конспектов и записную книжку для секретных идей и начнет читать книгу мастера. Времени так мало, а успеть нужно так много!

ГЛАВА 3. Работа над ошибками

Никогда еще Эгер не водил так медленно, правильно и законопослушно, только, может, когда еще учился и каждое движение приходилось контролировать. Сейчас тоже – контролировал. Потому что понял вдруг, отчего отец повторял столько раз: «Никогда, если хоть как-то можешь этого избежать, не садись за руль серьезно огорченным».

Хотелось... нет, ничего хорошего, умного и конструктивного не хотелось. Отпустить злость, гнать с визгом шин по асфальту, выпить и устроить дебош...

Пока доехал домой, уже стемнело. Поставил «малютку» в гараж, переоделся. Посмотрел на часы – время семейного ужина прошло, а значит, придется позаботиться о себе самому. И ладно бы только это, пошарить в холодильнике и разогреть найденное он не переломится. Но ведь все знают, что он уехал на свидание! С букетом и предложением! И всем интересно, как прошло... А что он может сказать в ответ на неизбежные вопросы? Такое только, что лучше вовсе промолчать!

В кухне сидела бабушка.

Вряд ли она засела здесь в засаде на любимого внука, хотя... все может быть. Мирана Виршов, в отличие от многих и многих ядоделов, не пренебрегала простыми и очевидными путями. А что может быть проще и очевиднее, чем под-

ждать пропустившего ужин вечно голодного парня неподалеку от холодильника?

Негромко бубнил телевизор, прохладный ночной ветерок колыхал тюль на окне. Над столом сиял магический светляк, ярко освещая толстую тетрадь перед бабушкой и погружая углы кухни в густую тень.

— Что читаешь? — мысленно хмыкнув, спросил Эгер.

— А, вернулся, — проворчала бабуля. Вложила в тетрадь закладку, закрыла, ласково огладила коленкоровый переплет — так, что тетрадка едва ли не муркнула в ответ.

— Вернулся.

— Садись. Я разогрею, а ты рассказывай.

— Что рассказывать? — попытался соскочить Эгер. Но от Мираны Виршов еще ни одна жертва так просто не уходила.

— Рассказывай, почему смурной такой. Уезжал с букетом, вернулся пришибленным. Что она, сломала этот букет об твое лицо?

Почему-то Эгер очень явственно представил, как Лана лупит его несчастным букетом — нет, не по лицу, а по голове, как в начальной школе друг друга учебниками лупили. Получилось смешно и нелепо. Она не стала бы!

— Просто выкинула, — хмыкнул Эгер. — Сиди, разогрей себе я и сам могу, не маленький.

Заглянул в холодильник, увидел отложенную в тарелку порцию картошки с мясом. В животе сразу заурчало. Как там пела Хлоя Виленис в своей последней комедии? «Лю-

бовь приходит, любовь уходит, а без хорошего обеда все равно никуда»...

А еще стало легче от простой мысли: что бы с ним ни происходило, какие бы неприятности и огорчения — хоть с учебой, хоть с друзьями, хоть с девушкой, а его семья всегда о нем позаботится.

— Спасибо, бабуль, — от души сказал он. И услышал в ответ такое родное, привычное с детства ворчливое:

— Ешь уже, не страдай. Все уладится.

Пока ел, бабушка заварила свежий чай, выставила на стол его любимые ватрушки с творогом и изюмом. Всем своим видом и каждым движением будто говоря: ничего страшного и непоправимого не случилось, а с тем, что случилось — разберемся. А после первых глотков крепкого чая, после первой ватрушки и правда поверилось, что все можно поправить.

И Эгер начал рассказывать.

Сначала — о сегодняшнем неудачном свидании. Потом всю историю их с Ланой знакомства и то ли дружбы, то ли все-таки отношений — он уже и сам начал сомневаться, как это называть. Потом бабушка выпросила все, что Эгер знал о Рейнольде, и оказалось — почти ничего. Магистр артефакторики, преподает с прошлого года, а до того — ассистировал прежнему преподавателю, Рекмарсу. Что еще? Да с чего бы ему интересоваться преподавателями? Девчонкам молодой артефактор нравился, весь из себя красивый-улыбчивый, а он, в конце концов, не девчонка!

А потом бабушка спросила:

— Ну хорошо, а семья твоей Ланы, о них что скажешь?

И вот тут Эгер чуть ватрушкой не подавился.

Потому что, сколько они с Ланой болтали обо всем, казалось бы, на свете, но никогда, ни разу она не заговорила о своей семье.

А он и не спрашивал. Как-то даже и в голову не пришло... Вот приняла бы сегодня его предложение, тогда и пришлось бы знакомиться с будущими тещей, тестем и остальной родней.

Она, правда, о его семье тоже... хотя нет, один раз, почти в самом начале, спросила что-то, но Эгер тогда сказал:

— Ты ведь со мной в кино пойдешь, а не с моей семьей?

Точно, они тогда после занятий поехали в «Империон», главный кинозал столицы... на что же? Что-то с пиратами, кажется. Он больше смотрел на Лану, и... да ладно, они тогда целовались половину фильма, и какая разница, что там мелькало на экране! А когда вышли, лил дождь, Эгер поймал такси и довез Лану до общежития.

Еще с Грымзой тогда поругался, с комендантшей девчачьего корпуса. Натоптал он! А попробуй не натоптать, когда ливень сверху, лужи снизу, и даже зонт не особо спасает. Лень ей очищающие чары настроить?

Бабушка спросила с нажимом:

— Эйги?

— Она в общежитии живет... — нет, Эгер не оправды-

вался, только пытался объяснить, почему как-то не пришло в голову поинтересоваться. Но бабушка даже не дослушала. Хлопнула сухощавой ладонью по столу с такой силой, что подпрыгнули и зазвенели чашки.

— Она не родилась в общежитии! Семья девушки – это не только родословная, Эгер! И не теща с тестем из глупых комедий! Это еще и воспитание, взгляды на жизнь, а часто и проблемы, которые никуда от нее не денутся и после замужества.

— На ее воспитание жаловаться не пришлось бы, — как-то без азарта, скорее по инерции, возразил Эгер. — А остальное... какая мне разница? Неужели мы все вместе с любимыми проблемами не справимся?

— Ох, внучек... Вроде умный парень вырос, а иногда дурень дурнем. Тебе никакой разницы, а ей? Вот ты жалуешься, что вся ваша любовь словно по колдобинам и ямам прыгала.

Эгер ничего такого не говорил, про колдобины, но кивнул: суть бабушка уловила верно. Пугающе верно.

— А все потому, что ты самое важное о ней не знал! Балбес, — последнее слово проворчала себе под нос, но Эгер прекрасно услышал. Отодвинул давно опустевшую чашку, сказал горько:

— Ба, ты меня совсем уж в тонкий слой не размазывай, а? Мне и так хватило.

— Что ж с тобой делать... Хватило ему! Еще хочешь взять

ее за себя? Или всё, обиделся?

— Обиделся, — честно признался Эгер. — Но все равно хочу. И страшно за нее, с ученичеством с этим. Только... ты думаешь, она еще может согласиться?

Сам он очень в этом сомневался. В конце концов, решительней отказа, чем получил сегодня он, и представить трудно! Разве что, в самом деле, букетом по лицу огрести.

— Она побежала к тебе, чтобы поделиться радостью. И обиделась на тебя, потому что... что?

— Что? — не понял Эгер.

— Вспомни. Подумай. Ты же мне рассказывал, неужели сам не понял!

— Потому что я ее отговаривать начал.

— И?

Несколько мгновений стояла тишина: Эгер смотрел на бабушку, не понимая, чего она добивается, а та, похоже, все-таки ждала, что на него снизойдет озарение и осенит правильным ответом. Но Эгеру сейчас было настолько не до озарений...

— Она решила, что ты ревнуешь, — со вздохом сказала бабушка. Судя по этому, очень характерному, вздоху, означавшему у нее «неужели так трудно понять настолько простые истины», бабуля говорила сейчас о какой-то общей женской заморочке, естественной для них... но абсолютно непонятной мужчинам!

— Бабуль, ну чушь ведь! — возопил Эгер.

— Тебе чушь, а с ее стороны так и выглядело, — непре-
рекаемо объяснила бабушка. — И твою девочку это очень
сильно задело. Никто не любит ревнивцев. Иди спать, Эгер.
Сегодня уже нет смысла затевать долгие разговоры. Если за
ночь не передумаешь добиваться ее, попробуем разобраться,
в чем беда и что делать.

Когда бабушка говорила таким тоном, спорить не имело
смысла. И Эгер пошел спать.

Но как заснуть после таких откровений? Ревнивец? Он?
Как такое вообще может прийти в голову! Да, конечно, ему
не нравится, когда Лана уделяет внимание другим мужчи-
нам, если, к примеру, это вечеринка и она пришла туда с ним
— но такое никому не понравится. Но сегодня?! Он — прирев-
новал — к Рейнольду?! И поэтому пытался отговаривать Ла-
ну от ученичества?! Что за дикая, невероятная чушь!

Он совсем не считал Лану глупой или ограниченной — нет,
ум у нее был острым и, если можно так сказать, конкретным.
Но, видимо, даже самые умные девушки иногда поддаются
странным вывертам женской логики.

— Бросить бы тебя наедине с этим ученичеством и по-
дождать, пока сама поймешь, — прошептал он. Но это бы-
ли всего лишь слова, пустые, ничего не значащие — просто
обиде тоже нужно выговориться, иначе так и будет грызть
изнутри. Рано или поздно Лана поймет, во что ввязалась, и
пожалует. Иначе и быть не может. Вот только, если бросить
ее справляться с этой пакостью в одиночку, кем получится

он сам? Будет ли у него тогда право ждать, что она вернется – к нему?

Надо поспать. А завтра, когда эмоции поутихнут, он обязательно что-нибудь придумает.

Привычно успокаивающе тикали часы на стене, подарок бабули к началу учебы – не в магической школе, а еще в обычной. С этими часами он рос, под это тиканье привык засыпать, оставляя все беды во вчерашнем дне, но сейчас – не получалось. В конце концов Эгер плюнул на бесполезные попытки заснуть. Встал, зажег настольную лампу, достал чистый лист писчей бумаги и задумался, припоминая разговор с бабушкой.

«Ревнивца» решил оставить в стороне. Это проблема не только или даже не столько его, а того, каким видит его Лана. Он ведь не может повлиять на ее мысли? А вот собственные косяки надо отметить и исправить.

Поставил жирную единицу и написал единственное слово: «Семья». И задумался.

Все в школе были уверены, что Лана Иверси – из старой семьи. Не аристократка, не из приближенных ко двору и даже не из столицы, иначе фамилия была бы на слуху, но точно из потомственных магов. Она была сильной и, что важнее, умела контролировать свою силу. Не спотыкалась на незнании элементарных вещей, понимала, кто есть кто, с кем как себя вести и кто как должен вести себя с ней. У родившихся в обычных семьях, как правило, этого понимания не было

в принципе: не магическая часть общества быстрее развивалась, меньше цеплялась за традиции, которые не имели для них практического смысла, и в целом вела себя гораздо свободнее.

Но старые семьи знали всё о подводных камнях ученичества! Лана же явно смотрела на эту традицию через розовые очки, хотя в целом мыслила очень даже рационально.

«Бабуля права, а я осел, — самокритично подумал Эгер. — Или в семье ей не рассказали – интересно, почему? Или она вовсе не из старой семьи, а всего лишь умело притворялась – опять же, почему? То есть, зачем? Я не понимаю ее мотивов, потому что ничего не знаю о ее проблемах».

Проблемы... Ему всегда казалось, что у Ланы Иверси нет и не может быть никаких проблем. Так уж она держалась – как человек, для которого само слово «проблемы» находится где-то по другую сторону жизни и мира. Но что, если она всего лишь очень хорошо притворялась? Опыт агентства Виршовых говорил, что не бывает ни людей, ни тем более семей, жизнь которых совсем уж безоблачна и благополучна. Если кажется, что проблем нет – значит, их или скрывают, или предпочитают и сами не замечать до поры. Но, как правило, в обоих случаях отложенная проблема лишь сильнее бьет, когда наконец приходит ее срок.

И почему он не приложил этот опыт к себе и к Лане?

«Иверси», — написал Эгер, со всей силой внезапного раздражения вдавливая ручку в бумагу. И поставил три жир-

ных вопросительных знака. Кто они? Откуда? Чем занимаются? Когда он сможет ответить на эти вопросы, тогда, может быть, лучше поймет, чего хочет Лана и почему так вцепилась в возможность ученичества.

Почему между ученичеством и свадьбой выбрала... «меня», — больно кольнула мысль.

Самый простой способ добыть нужные сведения был, как обычно, и самым невозможным: банально посмотреть личное дело в школе, но кто ж ему даст. Пробраться в архив тайком? При прошлом ректоре можно было попробовать, но Корчев... нет, тягаться в ловкости и незаметности с призраком — вообще не вариант.

Есть Императорский архив. Даже два – открытый и архив службы безопасности. В открытый может попасть каждый, но, чтобы посмотреть там сведения о любой семье, кроме собственной, нужно разрешительное постановление Департамента родословных, а чтобы получить его – очень веские причины, к которым никак не отнести отказ девушки.

В закрытый архив службы безопасности, возможно, сможет пройти бабушка. А может, и нет – Эгер никогда не интересовался бабулиными служебными возможностями. К тому же не факт, что она захочет: некоторые возможности лучше не использовать, пока совсем уж не припрет.

Так что же он может? Он сам? Архив семьи посмотреть – вдруг кто-нибудь из предков пересекался с кем-нибудь из Иверси и оставил о том упоминания?

Эгер замер, уставившись в одну точку. Почему самые элементарные возможности приходят на ум последними? Есть же архив агентства Виршовых! Двести лет! Семь поколений его семьи не только тщательно записывали все дела агентства, но и собирали любую достойную внимания информацию о магах, аристократах и всех более-менее значимых людях! Привычки, связи, таланты, скандалы – все, что могло так или иначе «сыграть» в очередном деле.

Основу картотеке заложил Фабиан Виршов, императорский дознаватель и, кстати, друг Деметрио Корчева, тогда еще не ректора и даже не основателя школы, а императорского же некроманта. Он же заповедал потомкам тщательно пополнять «коллекцию» и хранить в жесточайшей тайне само ее существование. Даже от друзей. Даже от возлюбленных. Даже от самого Императора. Тем более что на императорскую семью там тоже было кое-что... не общеизвестное.

Откладывать исполнение настолько простой и вместе с тем многообещающей идеи Эгер не стал. И так уже... дотянул. Стоило бы вспомнить об этой возможности еще с год назад! Тогда, может, и сегодняшней, то есть уже вчерашний разговор с Ланой прошел бы иначе.

Архив располагался в самой глубокой и потаенной части подвала, даже ниже родового ритуального зала. Эгер почти бегом спустился по длинной и узкой винтовой лестнице, открыл накрепко запертую семейными защитными чарами потайную дверь и шагнул внутрь.

Под потолком вспыхнули магические светильники: над большим рабочим столом, вдоль двух рядов высоких, вместительных несгораемых шкафов, над дверью во вторую комнату архива, где хранились уже не заполненные по единому образцу карточки с собранной воедино информацией, а попавшие в руки Виршовых оригиналы документов, а то и артефакты и прочие, как сказали бы полицейские, вещественные доказательства. Эгер прошел к картотечному шкафчику, который удобно расположился сбоку от стола. В волнении облизнул губы. Да или нет? Буква «И»... ну?

Карточка с фамилией Иверси была восьмой. Всего лишь восьмой в и без того не слишком плотно заполненном ящичке!

Эгеру захотелось побиться головой о ближайший шкаф. Но он, мысленно обругав себя, все-таки сосредоточился на деле.

Имя на карточке ни о чем ему не говорило, но ничего удивительного в этом не было. Хавьер Иверси был современником Фабиана Виршова, а значит, если и был важен, то разве что в разрезе истории. И, разумеется, как неоспоримое доказательство того, что семье Иверси как минимум два с лишним века.

Хавьер Иверси. Артефактор. Магистр. «Значит, у Ланы семейный дар», — мелькнула мысль. И тут же, ухватив взглядом следующую строчку, Эгер замер.

Казнен как соучастник заговора против императорской

семьи.

Очевидно, это был тот самый заговор, раскрытие которого возвысило императорского дознавателя Фабиана Виршова. Эпизод, известный любому школьнику, и не только по экзаменационным вопросам. Есть еще и классический, пера самого Логоши Дмитрова, роман, и превосходная экранизация, пусть не совсем точная по части исторической достоверности костюмов, зато и сценарий, и игра актеров великолепны. Даже сейчас, глядя на выцветшие от времени чернильные строчки, Эгер видел перед собой не парадный портрет императрицы Иллианы, а сыгравшую ее в «Невесте Империи» Элю Вардус...

Император, овдовев, женился вторично – по мнению коекого из старых семей, крайне неудачно. И эти самые «коекто» попытались «исправить ситуацию», подбросив ее величеству смертельно опасный артефакт. Официальная история говорит, что юная императрица чудом выжила. После чего уверенно правила Дагарией вместе с мужем, воспитала достойным правителем пасынка, а собственного сына его верным помощником, по ее инициативе открылась первая имперская школа магии, та самая, которой занимался Деметрио Корчев, а полный список ее полезных для Империи начинаний занимал с десятков страниц в учебнике истории.

Лежащие перед Эгером бумаги утверждали несколько иное. Иллиана все-таки умерла, окончательно и безвозвратно, и Деметрио Корчев призвал в ее тело чужую душу. По-

чему так важно было скрыть гибель императрицы, Эгер не понял, а вникать... так ли это важно, через две сотни лет? Он, в конце концов, другое здесь ищет.

Хавьер Иверси, магистр-артефактор, на допросах утверждал, что разработал свой артефакт по вполне официальному заказу, сделанному через Гильдию, и знать не знал ни имени заказчика, ни, кому предназначена вещица, способная выбить душу из тела и навсегда отправить ее за Грань. На вопрос дознавателя, о чем думал почтенный артефактор, изобретая явное и очевидное средство для убийства, Хавьер пожал плечами: мол, в первый раз, что ли? Вы, господин Виршов, как будто вчера на свет родились и не знаете, что добрая половина анонимных гильдейских заказов именно такого сорта и есть. Что у артефакторов, что у зельделов, не говоря уж о ритуалистах.

Хавьера казнили. Остались вдова и малолетний сын, Хурон. Оба – ни в чем не замешаны, но... Семья изменника и заговорщика – это клеймо даже не на всю жизнь, а на несколько поколений как минимум.

Но ни о Хуроне, ни о ком-то еще из потомков Хавьера в архиве Виршовых упоминаний не нашлось. Эгер почесал в затылке и пошел в кухню, ждать, пока проснется бабушка. Служба безопасности наверняка присматривает за семьей с таким пятном на репутации.

ГЛАВА 4. Ученица должна учиться?

Прийти за час до занятий. Лана подскочила ни свет ни заря, быстро-быстро – и чайник закипеть не успел! — сделала все утренние дела, собрала сумку и уткнулась в книжку. Вчера совсем немного не успела дочитать!

На самом деле она почти все из этой книжки знала. Но не все помнила и не всему придавала значение. Как, оказывается, много зависит от того, в какой форме подана информация! «Почему мастер на уроках так четко и понятно все не рассказывал?» — мелькнула мысль. Но тут зазвенел будильник Деи, и Лана спохватилась, что чайник вовсю кипит. Кофе, бутерброд – и бежать! Еще не хватало в первый же день такого желанного ученичества опоздать к назначенному времени!

С Рейнольдом она столкнулась в коридоре перед его кабинетом. Выпала, едва притормозив:

— Здравствуйте, мастер!

— А, Лана Иверси, — кивнул тот. — Вовремя. Проходите. В классе было сумрачно и слегка душно. Рейнольд включил свет, бросил:

— Откройте окно. То, что в конце класса.

Он выглядел мрачным и не выспавшимся, ни намека на

ослепительную улыбку, заставляющую замирать сердца студенток. Пока Лана открывала окно, выставил на первую парту простую картонную коробку, в каких привозят конфеты в магазин. Только вместо конфет она была полна деревянными фигурками зверушек – котов и зайцев, медведей и собак, лошадей и лисиц, рыбок, сов, павлинов... кого там только не было. Лана даже заметила точно такого же дельфина, какого подарил ей недавно Эгер, только тот был цветным и с колечком для ключей, а здесь – простые заготовки для брелоков, не только не раскрашенные, но даже не отшлифованные.

Воспоминание об Эгере неприятно кольнуло, и Лана сосредоточилась на Рейнольде. Тем более что он как раз спросил:

— Как думаете, что это?

— Заготовки, — ответила Лана. И, так как спрашивал все-таки магистр артефакторики, предположила: — Для артефактов?

— Для простых обережных амулетов, — сообщил Рейнольд. — Я понимаю, в ваших мыслях мастер – тот, кто творит исключительно сложное колдовство и создает непременно выдающиеся шедевры. Но, разочарую вас, даже мастеру по большей части приходится заниматься вот такой ерундой. По очень простой причине: шедевры нужны немногим и крайне редко, а простые и дешевые амулеты – массовый товар. Поэтому практическую часть учебы мы начнем именно с них. Смотрите.

Он подхватил заготовку, сжал в кулаке, подержал так пару секунд и разжал кулак. Лана не сдержала восторженный вскрик. Грубая, необработанная деревяшка превратилась в гладкую, с матовым блеском, без единой заусеницы.

— Первый этап – обработка сырой магией, — пояснил Рейнольд. — Просто подаете силу. Вам, пожалуй, будет проще вот так, — следующую заготовку он зажал между ладонями. Секунда – и еще одна прекрасная гладкая фигурка легла на стол рядом с первой. — Проще контролировать расход силы, меньше устаешь. За один-два раза вы разницы не заметите, но на десятке или двух – очень даже.

Лана заворуженно кивнула.

— Пробуйте, — предложил Рейнольд. — Короткий импульс, не напрягаясь: посмотрим, какой мощностью вы оперируете без особых усилий.

Лана волновалась. Очень. Может быть, поэтому «не напрягаясь» не получилось: она сама заметила, что выплеснула силы гораздо больше, чем на лабораторных. Зато и заготовка получилась – загляденье! Не хуже, чем у мастера.

— Мастер, а это важно? — спросила она. — Сколько силы вольешь, больше или меньше? На лабораторных вы никогда не говорили...

— Нет смысла говорить, — почти презрительно отозвался Рейнольд. — Даже не половина студентов, а, пожалуй, восемь из десяти в принципе не умеют контролировать силу. Да и у остальных случаются сбои.

Лана посмотрела на идеально гладкую, в разводах древесного узора овечку в ладони уже не с таким удовольствием. У нее ведь тоже случился сбой! А Рейнольд прошелся по классу, остановился перед ее столом и сказал:

— Продолжайте работать. Вам нужно довести эту операцию до автоматизма. А я пока объясню.

Лана сжала в ладонях забавную коровку. Импульс. На этот раз, кажется, получилось лучше, то есть, ближе к ее обычному уровню. Вот только результат...

— Совсем не так красиво, — прошептала Лана.

— Да, слабовато, — согласился Рейнольд. — Но вы не расстраивайтесь, это вопрос практики. Попробуйте усилить воздействие. Вот, кстати, и ответ на ваш вопрос: да, количество вложенной силы важно. Чем больше, тем качественнее результат. С другой стороны, максимальное качество не всегда нужно. Вы должны понимать задачу именно того изделия, над которым работаете, и приемлемый уровень качества для достижения этой задачи.

Он посмотрел на часы.

— У вас еще двадцать минут, потом пойдете на урок. Занимайтесь.

— А... — Лана растерянно посмотрела на коробку, на Рейнольда, снова на коробку. Здесь и за несколько часов не управиться, какие двадцать минут?!

Мастер понял ее взгляд правильно. Кивнул на коробку:

— Это ваше задание на ближайшую неделю или две. Цели:

наработка навыка, определение своего уровня расхода силы и контроля. Вы ведь понимаете, что, кроме силы импульса, играет роль и то, на сколько таких импульсов хватит вашего резерва? Это ваши границы, которые вы должны определить сами. А, определив, начать работать над их расширением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.